947
Г-37
7253
С-Г 64
И 35/833

БОРОДИНО.

(ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ).

А. Геруа.

Напечатано
редакціей журнала „Общество ревнителей военныхъ знаній“.
С.-Петербургъ.
1912.

Отъ автора.

Настоящій трудъ представляетъ собою посильную попытку, на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ и на почвѣ новой группировки общеизвѣстнаго литературнаго матеріала, дать схему Бородинскаго сраженія, отличную отъ общепринятой, и, по убѣжденію автора, болѣе подходящей къ дѣйствительности.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
Ф33674-42

2007088441

Бородино.

I.

Движеніе Европы начала прошлаго вѣка ознаменовалось такой дѣятельностью народовъ, которая не укладывается въ узкія рамки современныхъ политическихъ теорій, такъ называемаго, государственнаго эгоизма. Объясненіе этихъ событій на основаніи этой теоріи не поддается никакимъ усиліямъ. Приходится обратиться къ инымъ гипотезамъ и инымъ предположеніямъ для того, чтобы на этой почвѣ обосновать другой взглядъ на завоеваніе, какъ факторъ исторической эволюціи.

Если вглядѣться въ исторію, то легко убѣдиться, что не только выгоды толкали народы на взаимное другъ на друга наступленіе, не только одна матеріальная сторона вздымала ихъ, но и идеи, идеалы въ такой же мѣрѣ вліяли на мобилизацію народовъ, въ какой и матеріальныя причины.

Теорія государственнаго эгоизма—теорія политическая, а политика не исторія. Законы исторіи, которые согласно новѣйшему ученію, не поддаются еще точному опредѣленію, остаются для насъ все еще загадкой. Лучшіе умы, работающіе въ этой области съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ большей или меньшей опредѣленностью, стремятся гипотетическимъ путемъ преднамѣтить кривыя движенія культуры. По предположеніямъ нѣкоторыхъ, культура, развиваясь, изображается восходящей дугою кривой; паденіе культуры—нисходящею; наблюдаютъ между моментами этихъ подъемовъ и паденій извѣстную періодичность и ее предлагаютъ счесть, если не за законъ, то за признакъ закономѣрности исторіи. Другіе стараются преднамѣтить періодичность движенія народовъ, то съ запада на востокъ, то съ востока на западъ. Всѣ эти предположенія, болѣе или менѣе остроумныя, отличаются той неуловимой расплывчатостью

и малой убѣдительностью, которая всегда свойственна субъективнымъ доводамъ. Аргументированная и освѣщенная талантомъ такая условная истина часто служитъ источникомъ тѣмъ большихъ заблужденій, чѣмъ могучѣе было слово проповѣдника новой теоріи. Субъективизмъ всѣхъ этихъ предположеній объясняется исключительно тѣмъ, что случаи историческихъ наблюденій, отличаясь крайне разнообразной точностью и различной надежностью, не даютъ возможности обосновать эти законы на историческихъ фактахъ, достаточныхъ числомъ и качествомъ. Для вывода закона во всѣхъ областяхъ знанія имѣется только два пути: статистика и гипотеза. Первый путь заказанъ историку, остается лишь второй.

Эти мысли невольно роятся въ головѣ при попыткѣ обосновать событія эпохи Отечественной войны на нѣкоторомъ широкомъ фундаментѣ изъ области философіи исторіи. Всѣ историческія движенія народовъ сводятся къ двумъ побудительнымъ причинамъ: моральные и матеріальные импульсы,—идея и выгода. Не одна борьба выгодъ, какъ учитъ теорія государственнаго эгоизма, можетъ играть толкающую роль въ движеніи народовъ, но и борьба идей, міровоззрѣній, которыя завязываются у того или другого народа, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ культурно-историческихъ условій. Съ такой же точностью можно предположить, что исторія не есть суммированіе движеній, вызванныхъ одной матеріальной стороной; исторія, прежде всего—прогрессъ, а послѣдній отнюдь не выгода, а культура, т. е. сумма вѣрованій и упованій, идей того или другого народа, а выгода только приложеніе и послѣдствіе здоровой, сильной культуры; основаніе прогресса въ духовной сторонѣ дѣла, матерія-же—не болѣе, какъ производное духа. Во истину безъ духа матерія мертва есть. Это будутъ тѣ панталоны негра или корсетъ и зонтикъ негритянки, которые суть единственные признаки культуры у носителей этихъ матеріальныхъ ея принадлежностей.

Если обратимся къ исторіи, хотя бы къ христіанской эрѣ, и взглянемъ въ глубь ея, сравнивъ двѣ борющіяся стороны того времени, то увидимъ: съ одной стороны,—язычество съ сильной государственной властью, а съ другой—безвластное христіанство; это не помѣшало здоровой христіанской культурѣ побѣдить уже отжившую культуру язычества.

Возьмемъ другой примѣръ: борьба внутри христіанства,—католичество и протестанство. Могущество было на сторонѣ католичества и, несмотря на это, протестантство завоевало себѣ положеніе и получило практическое развитіе.

Возьмемъ примѣръ болѣе намъ близкій и имѣющій крайне важное современное значеніе: движеніе славянства. Еще каждому изъ насъ памятна та идейная волна, которая охватила въ 70-хъ годахъ всю Россію и славянскія страны. Какія выгоды преслѣдовала тутъ Россія? Подъ какую меркантильную мѣрку подведемъ тѣ кровавыя жертвы людьми и деньгами, которыя понесла Россія? Не матеріальные импульсы подняли славянство 35 лѣтъ назадъ, а вѣра въ истинность движенія; мощность его можно объяснить лишь силой и захватомъ идеи.

Борьба за выгоды и рынки ведется обычно наемниками (Англія, Финикія), спортсменами войны, но не народными арміями.

II.

Къ началу XIX-го столѣтія идейныя движенія Европы ретроспективно можно суммировать въ видѣ слѣдующей схемы: съ одной стороны, неудовлетворенные романскіе народы, поднятые внутреннимъ движеніемъ, жаждущіе переустройства своего гражданскаго быта; на другомъ концѣ Европы,—великій представитель славянства—Россія, спокойная и довольная данной минутой своего существованія послѣ 30-ти слишкомъ лѣтъ славнаго Екатерининскаго царствованія, послѣ громадныхъ территоріальныхъ приращеній, при хорошемъ внутренномъ матеріальномъ состояніи государства *); и наконецъ,—Англія, почувствовавшая свою мощь, закончившая покореніе Индіи и усиленная отпаденіемъ Америки. Между этими расами колебалась не установившаяся германская. Если мы обратимся къ Россіи, то, что мы тамъ видимъ? Въ то время, въ Россіи въ сущности было только два сословія — мужикъ и дворянинъ. Одинъ былъ землевладѣлецъ-помѣщикъ, другой крестьянинъ — землерабъ; обоюдная близость къ землѣ бытовымъ образомъ сближала ихъ другъ съ другомъ; они понимали другъ друга лучше и были взаимно гораздо ближе, чѣмъ въ наше время.

Подъ вліяніемъ революціонной волны запада выдвинулись новые люди и во главѣ ихъ, быть можетъ, не очень чистый, но сильный въ своемъ геніи, мощный государственный дѣятель, Наполеонъ. Онъ сумѣлъ суммировать разнаго рода направленія,

---

*) Хотя денежный рынокъ Россіи того времени и не былъ развитъ, но экономическая система земельной собственности страны, научныя попытки объясненія которой уже начались, базировалась на прочныхъ основаніяхъ, обезпечивавшихъ агрессивныя мѣропріятія государства.

движенія и столкновенія народовъ и двинуть ихъ по одному руслу. Онъ дисциплинировалъ силы, мобилизованныя лихорадкою новыхъ вѣяній, прорвавшихся наружу.

На востокѣ, въ это время, царствовалъ Александръ I; въ идейномъ отношеніи онъ былъ представителемъ своей эпохи; онъ суммировалъ русскіе взгляды и на этомъ основывался его ореолъ, столь сильный у современниковъ.

Можно сказать, что эти два лица, эти два крупныхъ государственныхъ дѣятеля, олицетворяли два противоположныхъ взгляда, которымъ суждено было столкнуться. Суждено—потому что уже ничто не могло предотвратить этого боя, назрѣвшаго по причинамъ не политическимъ, а историческимъ, т. е. прежде всего идейнымъ. Въ подобные моменты политика лишь слабое орудіе въ рукахъ дѣятеля, не уясняющаго себѣ сути и глубины движенія, и могущественный рычагъ въ рукахъ, отдающаго себѣ отчетъ въ событіи и правильно разлагающаго его на составляющія силы. Извѣстно, что въ попыткахъ мирной политики предупредить столкновеніе 1812 года недостатка не было.

Въ 1807 году Наполеонъ въ Тильзитѣ, измѣривъ всю силу русскаго напора, какъ бы пошелъ на мировую и предложилъ Императору Александру раздѣлить Европу пополамъ. Ничто не мѣшало нашему Государю оцѣнить всю выгоду предложенія. Что удержало его отъ этого благоразумнаго политическаго шага на удивленіе всѣхъ историковъ, старающихся объяснить это недальновидостью Императора Александра? Не была-ли эта политическая непрактичность величайшей исторической мудростью? Ошибки, такъ называемыхъ, удачныхъ политическихъ захватовъ всегда жестоко караются исторіей. Жизнь самого Наполеона—тому яркое доказательство. До той поры пока его политика служила жизненнымъ историческимъ задачамъ, его могущество росло, но лишь только оно вступило на путь авантюры (попытка исторію подчинить политикѣ)—и всей легендѣ пришелъ конецъ.

Какая-то высокая сила руководила нашимъ Государемъ и какая-то сложная и чисто роковая сумма разнаго рода вліяній и вѣяній остановила Александра I отъ роковаго шага. Извѣстно, что и личная антипатія Государя къ Наполеону была одной изъ причинъ расхожденія политики обоихъ государствъ. Трудно начертить психику такого крупнаго государственнаго дѣятеля и психологію важныхъ событій, но, какъ кажется, въ общихъ

Окончаніе дѣла въ Утицкомъ лѣсу. Тѣмъ временемъ, медлившій Понятовскій завязалъ, наконецъ, упорное дѣло въ Утицкомъ лѣсу. По прибытіи сюда около полудня частей 2-го пѣхотнаго корпуса Багговута, 3-й корпусъ перешелъ въ наступленіе противъ праваго фланга поляковъ, а Багговутъ—противъ лѣваго ихъ фланга. Понятовскій отступилъ отъ деревни. Около 4 час., когда одна изъ дивизій корпуса Жюно (Вестфальскаго) прорвалась между Багговутомъ, занимавшимъ позицію въ кустахъ между курганомъ (восточнѣе деревни) и лѣвымъ крыломъ остальной нашей арміи, Багговутъ отступилъ на версту къ востоку отъ кургана. Тогда Понятовскій направилъ обѣ свои дивизіи къ кургану, а 13 гусарскій полкъ (Тулинскаго), поддержанный тремя кавалерійскими полками 5-го корпуса, въ обходъ русскаго лѣваго фланга. Это вынудило къ отступленію и 3-й корпусъ, отошедшій на одну линію со 2-мъ.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, начальствовавшій на курганѣ, хотѣлъ было контръ-атакою вернуть его (съ Кременчугскимъ и Минскимъ полками и 4 ор., всего 500 чел., имѣя за собою Рязанскій и Брянскій полки), причемъ уже взошелъ на курганъ, но залпъ непріятельской пѣхоты и атака 12-го уланскаго полка вынудила Принца къ отступленію.

Понятовскій и Жюно, сражавшіеся вяло въ теченіе цѣлаго дня, довольствовались тѣмъ, что заняли позицію на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ русскихъ, причемъ Понятовскій отвелъ главныя свои силы за деревню.

XVI.

Третья позиція русскихъ (ок 6. час. веч.). Русская армія по всему фронту отошла подъ вечеръ на свою третью позицію впереди лѣсныхъ зарослей, тянувшихся съ сѣвера на югъ почти отъ с. Горки къ Утицкому лѣсу (схема № 13): 6-й корпусъ примыкалъ правымъ крыломъ къ батареѣ у с. Горки, откуда фронтъ его простирался въ направленіи къ Семеновскому; 4-й корпусъ подъ исходящимъ угломъ, заваливая назадъ, примыкалъ къ лѣвому флангу 6-го; еще лѣвѣе стояли остатки пѣхоты 2-й арміи, упираясь лѣвымъ флангомъ въ кустарникъ, занятый полками л.-гв. Измайловскимъ и Финляндскимъ; далѣе, образуя входящій уголъ съ фронтомъ частей, расположенныхъ сѣвернѣе, стояла большая часть 2-го и весь 3-й пѣхотные корпуса, оба подъ командою Багговута, по обѣ стороны Старо-Смолянки; кавалерійскіе кор-